

Я.А. Лещенко

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НА ПОПУЛЯЦИОННОМ УРОВНЕ*

ФГБУ «Восточно-Сибирский научный центр экологии человека» СО РАМН (Иркутск)

В настоящее время внимание многих исследователей обращено на исследование проблемы качества жизни на основе анализа объективных и субъективных индикаторов. При этом предложено огромное количество решений, весьма неравноценных как по своему предметному обоснованию, выбору конкретных показателей, так и по применяемым методическим подходам. Причём большинством авторов категория «качество жизни» обычно исследуется на индивидуальном, реже – на групповом уровне. В данной работе рассмотрена специфика категории «качество жизни» применительно к крупным этносоциальным сообществам, дан критический анализ существующих подходов к её изучению. Рассмотрены особенности дифференциации населения по уровням материального благосостояния в зависимости от размеров заработной платы в различных отраслях экономики. Показана недостаточность оценки качества жизни общества по общим экстенсивным и усреднённым социально-экономическим параметрам хозяйственного комплекса (валовой внутренний продукт, средний уровень доходов, объём розничных продаж и др.).

Сложность достижения желаемого качества жизни может выливаться в формирование опасных деформаций адаптационных стратегий населения. Социологическими исследованиями показано, что рост девиантных, внеправовых стратегий в российском обществе – это результат адаптации к реалиям существующей социально-экономической системы, способ сохранения или приобретения желаемого качества жизни вопреки всем внешним условиям и переменам.

Обоснована необходимость оценки качества жизни населения с применением интенсивных, структурных (качественных) и социальных критериев (зависимость от мировой экономической конъюнктуры, качество экономического роста, степень социально-экономического неравенства, учёт или забвение требований научно-технического развития, проблем национальной безопасности).

Оценка качества жизни общества не может считаться адекватной и полной, если она основывается, главным образом, на экономических показателях жизнедеятельности (уровень материального благосостояния) и не учитывает такие важнейшие аспекты, как экономическое неравенство, социальное самочувствие, состояние человеческого потенциала, национальная безопасность и другие.

Ключевые слова: качество жизни общества, подходы к изучению, критический анализ

PROBLEMS OF LIFE QUALITY ASSESSMENT AT POPULATION LEVEL

Ya.A. Leshchenko

Eastern-Siberian Scientific Center of Human Ecology SB RAMS, Irkutsk

At present, many investigators pay their attention to studying the problem of life quality based on analysis of the objective and subjective indicators. Thereto, the numerous solutions, very unequal in both its objective grounding, choosing the concrete indices and in the methodical approaches used have been suggested. Moreover, the category of «life quality» is usually studied by the most authors at the individual level, rarely – at the group level. The specific category character «life quality» according to the big ethnological societies has been considered and the critical analysis of the available approaches to its study has been given in this work.

The peculiarities of the population differentiation according to the levels of the material well-being in dependence on the salary sizes in the different branches of economy have been considered.

The insufficient assessment of the society life quality in common extensive and averaged social-economic complex (the gross intrinsic product, the mean income level, the volume of the retail trades and so on) has been indicated.

The complicity of reaching the wished life quality way he released in forming the dangerous deformation of the adaptive strategies of the population. The sociological studies have shown that the increase in the deviant, extra-right strategies in the Russian society is the result of the reality adaptation of the available social-economic system, the method of the keeping and getting the wished life quality in contrast to all the eternal conditions and changes.

The need of the population life quality assessment using the intensive, structural (qualitative) and social criteria (dependence on the world economic conjuncture, the quality of economics grows, the degree of the social-economic inequality, the registration or the oblivion of the requirements in the scientific-technical development, the problems of national safety) has been grounded. The society life quality assessment may not be considered as the adequate and complete if it is mainly based on the economic indices of vital activity (the level of the material well-being) and doesn't take into account the most important aspects such as the economic inequality, the social well-being, the state of human potential, the national safety and so on.

Key words: society life quality, approaches to study, critical analysis

* Статья подготовлена в рамках проекта № 11-06-00540а, выполняемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Проблема качества жизни находится в настоящее время в центре внимания многих исследователей, работающих в разных областях научного знания.

Качество жизни – многоаспектное понятие. На концептуальном уровне оно включает в себя множе-

ство самых разнородных компонентов. Обычно под качеством жизни понимают условия человеческого существования: обеспеченность материальными благами (пища, одежда, жилье), состояние природной среды (в т.ч. антропогенно изменённой), занятость и условия трудовой деятельности, безопасность, состояние здоровья, доступность и уровень медицинской помощи, возможности для получения образования

и культурного развития, социальные отношения в обществе и др. [2, 7, 8].

На современном этапе применяют три подхода к оценке качества жизни: измерение объективных показателей, измерение субъективных оценок и комплексный подход [9, 11, 13]. Категория «качество жизни» чаще рассматривается на индивидуальном уровне. Так, по определению Всемирной организации здравоохранения, качество жизни – восприятие индивидом своего положения в культурном и ценностном контекстах его жизни и в связи с целями, потребностями, стандартами и интересами этого индивида.

Несмотря на огромное количество публикаций, проблемное поле исследования качества жизни всё ещё проработано в недостаточной мере, особенно это относится к такой сложной задаче, какой является оценка качества жизни общества, т.е. оценка, осуществляемая на уровне популяции или субпопуляции. Рассматривая общество как сложный социальный организм, следует подчеркнуть, что популяционные феномены не сводятся к простой сумме индивидуальных проявлений. Для общественных процессов и характеристик очень важна их структурная организация, пропорции и диспропорции в социальном организме и его развитии.

Применительно к индивиду и обществу имеются принципиальные отличия в понимании например, такой важнейшей категории, как «благополучие». Какая-то часть общества может испытывать удовлетворение по всем параметрам своего бытия (качества жизни), т.е. находится в состоянии полного благополучия, в то время как состояние других частей общества будет характеризоваться той или иной степенью неблагополучия. Не менее велики различия и между такими понятиями, как «личная безопасность» и «общественная (или государственная) безопасность». Исследователи, использующие широкую палитру объективных и субъективных индикаторов, но исходящие из тех или иных методических установок и предпочтений, могут получать различающиеся (иногда значительно) оценки качества жизни одного и того же человеческого сообщества.

Существует точка зрения о том, что качество жизни следует оценивать в зависимости от степени удовлетворения индивидом своих разнообразных потребностей. Идеалом в этом случае сторонники данной точки зрения считают ситуацию, когда удовлетворены все или большинство потребностей индивида [9]. Но такой подход весьма уязвим для критики, ведь сама природа и масштабы потребностей могут очень сильно изменяться в зависимости от многих факторов, в частности, от того, какие социально-экономические отношения господствуют в реальной жизни (так, одни виды деятельности позволяют наиболее быстро достичь материального успеха, и, напротив, другие, даже при напряжённом, качественном и производительном труде, не позволяют обеспечить достойный уровень жизни). Например, в определённой мере об экономической привлекательности различных видов профессионально-трудовой деятельности можно судить по материалам социальной статистики.

Продemonстрируем это на примере Иркутской области, рассматривая показатель начисленной среднемесячной заработной платы в расчёте на одного работника по видам экономической деятельности. В 2011 г. видами деятельности (отраслями), в которых средняя зарплата работников значительно превышала областной уровень, были (в порядке убывания ранговой значимости): финансовая деятельность (200,0 % по отношению к областному уровню), добыча полезных ископаемых (178,2 %), государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение (140,0 %), транспорт и связь (135,1 %) производство и распределение электроэнергии, газа и воды (127,9 %). К видам деятельности, в которых средняя зарплата работников была значительно ниже областного уровня, в частности, относились: здравоохранение и предоставление социальных услуг (76,2 %), сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (70,8 %), образование (63,6 %), предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (59,9 %) [14].

Более точным измерителем уровня жизни (уровня доходов) может служить показатель соотношения дохода человека с бюджетом прожиточного минимума (ПМ). По критериям, предложенным экспертами Всероссийского центра уровня жизни, к слоям населения с низкими доходами относятся все, кто имеет доход ниже трёх бюджетов ПМ [3]. Анализ показателей соотношения средней зарплаты работников отраслей экономики Иркутской области к величине прожиточного минимума в 2011 г. [14] показывает, что в таких областях, как финансовая деятельность, добыча полезных ископаемых данный показатель составлял 6–7 крат, в отраслях: государственное управление..., транспорт и связь, производство и распределение электроэнергии, газа и воды кратность превышения ПМ составляла от 4,8 до 4,4 крат. В таких же отраслях, как здравоохранение, образование, сельское и лесное хозяйство средняя заработная плата превышала ПМ в 2,2–2,6 раза, т.е. была заметно ниже трёх бюджетов прожиточного минимума. Таким образом, в сферах образования и здравоохранения уровень оплаты труда является одним из самых низких, притом, что именно в этих отраслях создаётся и воспроизводится, главным образом, человеческий капитал. Следовательно, такая ситуация с позиций оценки качества жизни общества и национальных интересов не может быть признана нормальной.

Особого внимания заслуживает сегмент общества с самым низким уровнем жизни, куда следует отнести лиц с доходом ниже величины прожиточного минимума, т.е., по существу, ниже порога нищеты. В большинстве регионов Сибирского федерального округа (СФО) в 2011 г. доля таких граждан составляла от 17,4 до 22,9 % (в Иркутской области – 19,3 %) и лишь в Омской области показатель составил 13,3 %, а в Кемеровской области – 11,4 % (единственный регион СФО, где данный показатель оказался ниже среднероссийского уровня – 12,8 %) [12]. Наихудший по округу показатель (30,3 %) зарегистрирован в Республике Тыва.

В нашей стране государственными структурами постоянно дискутируется вопрос по поводу того, какая оплата труда может считаться достойной и как её необходимо индексировать. В официальных комментариях к Конституции РФ записано, что государство должно обеспечивать материальное благополучие граждан на уровне стандартов современного развитого общества. Если посмотреть на упомянутые стандарты, мы увидим, что во многих развитых странах действует закон о том, что не менее 70 % очищенного дохода предприятия (с которого выплачены обязательные отчисления) должны направляться на зарплату. Сразу возникает вопрос: почему же тогда минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в России в 3–4 раза ниже, чем в развитых странах (использованы данные руководителя Центра теории социального государства Академии труда и социальных отношений О.И. Косенко) [6]. Из-за этого изменяется критерий установления порога бедности – в сторону резкого снижения этого порога. С применением такого, по сути искажённого, критерия картина получается довольно благостная: за порогом бедности оказывается (конец 2012 г.) 12 % россиян, в то время как в развитых странах этот показатель достигает 20 % [6].

Казалось бы, в социальном государстве зарплату на уровне МРОТ (к тому же, как мы видели, сильно заниженного) могут получать (в исключительных случаях) лишь наименее квалифицированные категории работающих. Однако в Иркутской области в некоторых научно-исследовательских институтах Сибирского отделения Российской академии медицинских наук зарплата начинающего трудовой путь (сразу после окончания ВУЗа) младшего научного сотрудника в 4-м квартале 2012 года составляла, в соответствии с действующим законодательством, 6348 рублей, а зарплата лаборанта – 5205 рублей (как раз на уровне МРОТ), тогда как размер прожиточного минимума для работающего населения в регионе составлял в это же время 6956 руб. Следовательно, оплата труда указанных категорий работающих была существенно ниже прожиточного минимума, то есть, по существу, ниже порога нищеты. Прожиточный минимум фактически представляет собой уровень физиологического выживания, когда невозможно даже простое воспроизводство рабочей силы. Между тем, согласно канонам сугубо экономической целесообразности, экономика может нормально развиваться лишь при расширенном воспроизводстве рабочей силы. О критерии социальной справедливости вообще говорить не приходится.

При оценке качества жизни популяции очень важно не только анализировать изменения общих экстенсивных и усреднённых социально-экономических параметров государства, но обязательно учитывать качественные показатели экономического роста, социального развития, эффективность системы управления, сбалансированность всех структурных компонентов общества как сверхсложной социальной системы.

Например, рассматривая динамику экстенсивных показателей российской экономики в 2000-е годы, можно увидеть несомненные положительные резуль-

таты. В книге академика РАН А.Г. Аганбегяна «Кризис. Беда и шанс для России» на статистическом материале показано, что в период, предшествующий кризису 2008–2009 гг., в России происходил экономический и социальный подъём. За 10 лет (1999–2008) валовой внутренний продукт России вырос более чем на 90 %. За 2000–2008 гг. доходы населения увеличились в 2,4 раза, выросли масштабы жилищного строительства. Особенно впечатляющим было увеличение объёмов розничных продаж, в частности, бытовой техники, автомобилей, персональных компьютеров и др. По количеству мобильных телефонов на душу населения наша страна обогнала Японию. Сократилась безработица – с 11,5 до 4,2 млн человек [1].

Вышеперечисленные положительные результаты создавали впечатление некоего государственного благополучия и давали повод руководству страны рассматривать свою управленческую деятельность как вполне успешную, не требующую внесения каких-либо кардинальных изменений в социально-экономическую доктрину и кадровую политику.

Теперь попробуем оценить состояние и качество жизни российского общества, применив интенсивные, структурные (качественные) и социальные критерии.

А.Г. Аганбегян, отмечая достижения экономики России в 2000-е гг., указал на ряд важных обстоятельств, говорящих о проблемных сторонах **экономического развития**. Во-первых, экономический рост в России начался с очень низкого уровня, куда опустилась экономика России в результате 9–10-летнего социально-экономического кризиса 1990–1998/99 гг., поэтому в основном этот рост носил восстановительный характер, и к 2007–2008 гг. экономика России лишь поднялась из ямы кризиса [1].

Во-вторых, рост примерно наполовину был связан с повышением мировых цен на нефть, газ, металлы – главные экспортные товары России, что вызвало огромный приток валюты в страну.

Третье обстоятельство, которое отметил А.Г. Аганбегян, – это *низкое качество экономического роста*. В подавляющей части этот экономический рост осуществлялся за счет увеличения традиционных отраслей. Из крупных отраслей наиболее быстро росли сфера торговли и сфера услуг, оплачиваемая из госбюджета, грузовой транспорт, пищевая промышленность, в последние годы – автомобилестроение. *Доля инновационных отраслей в подъеме экономики была минимальной.*

Как можно охарактеризовать качество **социального развития**. В течение рассматриваемого периода в большой степени возросло социально-экономическое неравенство. Основной прирост доходов достался 20 % самых зажиточных семей России, среди которых наибольшими темпами росли доходы самых богатых. Доля в структуре денежных доходов росла только у пятой (высшей) квантильной группы населения (20 % населения с наибольшими доходами), которая концентрирует немного меньше половины всех доходов населения. На долю первой группы с наименьшими доходами приходилось только 5 % всех доходов, на долю второй – менее 10 % и т. д. [1].

О возрастании социально-экономического неравенства в рассматриваемый период весьма красноречиво говорят и следующие факты. В 2001 г. в списке журнала «Форбс» значилось 7 долларовых российских миллиардеров с совокупным доходом 10,1 млрд. долларов. Спустя 10 лет там фигурировал уже 101 человек с совокупным капиталом 433 млрд. долларов (рост в количестве персон – 14,4 раза, а в валютном эквиваленте – в 42,1 раза). В среднем капитал одного олигарха был равен примерно консолидированному бюджету Новосибирской области с населением 2,7 миллиона человек, или Кемеровской – с населением 3 миллиона человек. На долю долларовых миллиардеров в 2000 г. приходилось 4,9 % ВВП, а в 2010 г. – 28,9 %. *Такого неравенства нет ни в одной другой стране* [5]. По данному критерию нельзя говорить о какой-либо устойчивости развития или о социальном согласии. Следовательно, за относительно благополучными экстенсивными и средними статистическими показателями хорошо просматривается картина всё большей социальной поляризации и разбалансированности общества.

Что же способствует расслоению общества и усилению экономического неравенства, каковы механизмы и инструменты этих явлений? Это, во-первых, введённая в 2001 г. плоская и одновременно низкая шкала подоходного налога, что совершенно не характерно для развитых стран: в странах ЕС и США доходы, не превышающие прожиточного минимума (который в несколько раз выше российского показателя), вообще не облагаются налогом. Но высокие доходы облагаются по прогрессивной шкале.

Во-вторых, фактором растущего расслоения общества является очень высокая инфляция, от которой в течение двух десятилетий больше всего страдают бедные, а также мало- и среднеобеспеченные группы населения.

Третьим и главным фактором социального диспаритета, концентрации национального богатства в руках немногих является тотальная коррупция.

Говоря о качестве жизни общества как единого социального организма, очень важно понимать какой ценой достигаются очень усреднённое, обременённое множеством социальных пороков, «благополучие» и существующая в связи с этим относительная устойчивость общества.

Огромной жертвой, брошенной на алтарь общества потребления и резко снизившей уровень общественной безопасности, стала утрата стратегических позиций в оборонно-технической области. Доктор экономических наук А.А. Кисельников наглядно поясняет это следующим образом: «Скажем, не построили всего один стратегический бомбардировщик Ту-160 (а их всего за 10 лет один и построили, в то время как в СССР делали по штуке в месяц), и сэкономленных средств хватит, чтобы всю страну кормить бананами целый год. А если не построили атомную подводную лодку или крупную ГЭС – то можно объедаться ими и пять лет. Реализация такой политики воскрешает в памяти известный афоризм, подчёркивающий, чем отличается политик от государственного деятеля: первый думает о следующих выборах, а второй – о будущих поколениях» [5].

Другая, не меньшая, жертва – ликвидация огромной части промышленно-потенциала страны и утрата многих конкурентных преимуществ во всех сферах научно-технического развития. Ведь подавляющая часть всего того, что в настоящее время потребляют россияне, – это импорт. Правда, очень опасная иллюзия – рассчитывать на то, что можно бесконечно благоденствовать, не напрягая силы для постоянного созидания, а лишь проедаая накопленное предыдущими поколениями и безмятежно расходуя имеющиеся природные ресурсы. Ведь всё, что мы, ни о чём особенно не задумываясь, потребляем из-за рубежа, в один прекрасный день может стать недоступным, или за всё это будет потребована непомерная плата, вплоть до утраты национального суверенитета.

Если ни во что не ставить национальные (в т.ч. жизненно важные) интересы, а руководствоваться лишь критериями текущей рентабельности, то, разумеется, очень выгодно закрыть множество капиталоемких предприятий, а на экономленные средства покупать дешёвые (часто некачественные) продукты питания и ширпотреб в Китае, Турции и других странах, где это всё производится с гораздо меньшими издержками в силу благоприятных природно-географических условий. Недостатком такой стратегии, по мнению А.А. Кисельникова, является то, что спустя определённое время нерентабельным становится сам народ [5].

Накопленный к настоящему времени опыт эмпирических наблюдений показывает, что методически корректные исследования на основе субъективной модели дают более точную, реалистичную оценку качества жизни. Предполагается, что определение самим индивидом степени удовлетворенности своих потребностей, своего жизненного положения даёт наиболее достоверную картину [4].

Исследованию субъективных индикаторов качества жизни посвящено большое число работ, сутью и целевой установкой которых является диагностика социального самочувствия населения. Понятие «социальное самочувствие» Л.И. Михайловой [10] интерпретируется как ощущение индивидуумом «комфортности – дискомфортности» своего бытия в социуме.

Анализ качества жизни по материалам социологических исследований может давать парадоксальные, на первый взгляд, результаты. Так, по данным И.А. Янкиной, оценивая своё материальное положение, 60 % респондентов считали его хорошим, но 70 % были им не удовлетворены [15]. Налицо – своеобразный когнитивный диссонанс. В подобных случаях он объясняется тем, что большой объём неудовлетворенности своим материальным положением порождается неадекватно высокими вложениями сил, времени, энергии в поддержание приемлемого уровня жизни: в результате хорошее материальное положение не даёт удовлетворения, так как высокая плата за его достижение ухудшает общее качество жизни (делая ее весьма напряженной).

Сложность достижения желаемого качества жизни может выливаться в формирование опасных деформаций адаптационных практик, когда материальное положение населением оценивается всё

чаще в качестве хорошего на фоне неуклонного роста уровня преступности и уверенности, что собственное восприятие справедливости является мерилем для законодательной базы, а в случае несоответствия – способом оправдания своих деяний или недеяний [15]. Из сказанного следует, что рост девиаций в российском обществе – это результат адаптации к реалиям существующей социально-экономической системы, способ сохранения или приобретения желаемого качества жизни вопреки всем внешним воздействиям и переменам. Таким образом, девиантные (внеправовые, криминальные) адаптационные стратегии позволяют некоторой (значительной) части граждан компенсировать невозможность достижения законными способами (например, интенсивной трудовой деятельностью) достойного уровня жизни. По данным И.А. Янкиной [15], четверть опрошенных респондентов считала, что эффективных законных способов реализации своих прав на достойную жизнь нет. То есть стратегия жизнедеятельности населения все больше связывается с неправовыми и девиантными формами поведения. Следовательно, и здесь может возникать расхождение между индивидуальными и популяционными критериями качества жизни: ведь повышение качества жизни многими индивидами с помощью внеправовых адаптационных стратегий необходимо расценивать как снижение качества жизни общества, т.к. при этом общий уровень девиантности и криминогенности в социуме возрастает.

Даже весьма краткий и фрагментарный анализ проблемы показывает, что методология оценки качества жизни применительно к таким объектам, как индивид с одной стороны, и популяция, общество – с другой, имеет существенные, иногда – принципиальные различия. Причём, довольно широко распространён подход, когда сами эти понятия либо представляются тождественными друг другу, либо по отдельности даже не рассматриваются и не идентифицируются.

Учитывая все эти обстоятельства, следует признать, что анализ и оценка качества жизни общества не могут считаться адекватными и полными, если они основываются исключительно (или главным образом) на оценках валовых (усреднённых) экономических показателей жизнедеятельности (уровня материального благосостояния) и не учитывают такие важнейшие аспекты, как экономическое неравенство, социальное самочувствие, состояние человеческого потенциала, национальная безопасность и другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А. Кризис. Беда и шанс для России. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 285 с.

Сведения об авторах

Лещенко Ярослав Александрович – доктор медицинских наук, профессор, заведующий лабораторией системных исследований общественного здоровья ФГБУ «Восточно-Сибирский научный центр экологии человека» СО РАМН (665827, г. Ангарск, а/я 1170, тел.: 8 (3955) 55-75-67; e-mail: lsioz@mail.ru)

2. Андреев Е.М., Бирюков В.А. Демографические методы в изучении влияния городской среды на здоровье населения: состояние и перспективы // Урбоэкология. – М.: Наука, 1990. – С. 159–166.

3. Доходы и расходы [Электронный ресурс] // Российская газета. – 23.07.2010. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/07/23/itogi-site.html> (дата обращения 15.04.2013).

4. Индекс качества жизни регионов России: методология и методика оценки. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт региональной информации, 2010. – 20 с.

5. Кисельников А.А. 2008–2011 годы: системный кризис России в контексте глобальной турбулентности // Актуальная статистика Сибири. – 2012. – № 1. – С. 50–69.

6. Интервью руководителя Центра теории социального государства Академии труда и социальных отношений О.И. Косенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/mymoney/article/60836> (дата обращения 08.04.2013).

7. Лещенко Я.А. Кризис в общественном здоровье и социально-демографическом развитии: главные проявления, причины, условия преодоления. – Иркутск: РИО НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2006. – 263 с.

8. Лещенко Я.А. Социально-экологические основы системного исследования качества жизни населения города // Экология человека. – 2011. – С. 42–47.

9. Маликов Н.С. К вопросу о содержании понятия «качество жизни» и его измерению // Уровень жизни населения регионов России. – 2002. – № 2.

10. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // СОЦИС. – 2010. – № 3. – С. 45–49.

11. Панкратова Е.В. Комплексная методика оценки качества жизни региона // Вестник Ивановского гос. энергетич. ун-та им. В.И. Ленина (ИГЭУ). – 2009. – Вып. 1. – С. 1–7.

12. Социальное положение и уровень жизни населения Сибирского федерального округа: статистический сборник. – Новосибирск: Территориальный орган Федер. службы гос. статистики по Новосибирской обл., 2012. – 264 с.

13. Спиридонов С.П. Индикаторы качества жизни и методология их формирования // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2010. – № 10–12 (31). – С. 208–223.

14. Уровень жизни населения Иркутской области: экономико-статистический сборник Иркутскстат. – Иркутск, 2012. – 125 с.

15. Янкина И.А. Качество жизни населения среднего города России: адаптационные стратегии и эффективность управления: автореф. дис. ... докт. соц. наук. – М., 2009.